

14. Рябцева Н. К. Когнитивные доминанты, лингвоспецифичность коммуникации и проблемы перевода // Научный диалог. 2021. № 8. С. 87-111.
15. Силкина О. М., Хомутова Т. Н. Макроструктура научной аннотации: универсальное и культурно-специфическое (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5. № 1. С. 16-33.
16. Собянина В. А. О некоторых лексических особенностях немецкого космологического дискурса в сети Интернет // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 3(35). С. 33-41. DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.04.
17. Стилистические аспекты перевода : учеб. пособие для студ. учрежд. высш. проф. образ. / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова и др. М.: Изд. центр «Академия», 2010. 176 с.
18. Сулейманова О. А. К вопросу о нормативности письменного академического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2(26). С. 52-61.
19. Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе / А. В. Щепилова, О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, А. А. Водяницкая // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3(27). С. 68-82.
20. Goodman N. W. From Shakespeare to Star Trek and Beyond: a Medline Search for Literary and Other Allusions in Biomedical Titles // British Medical Journal. 2005. Vol. 331. P. 1540-1542.
21. Lyagushkina N. V. On Ways how to Translate Mass Media Metaphors and Language-game // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014. Vol. 7. No 2. P. 265-272.

УДК 81

*Н. В. Матюшина (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет*

Специфика представления действительности в разных лингвокультурах

В статье рассматриваются различные способы представления внеязыковой действительности в различных лингвокультурах. Приводятся примеры подобных случаев на материале русских и английских косвенных вопросов, высказываний с пространственными наречиями. Описаны возможные пути решения потенциальных сложностей при обучении и переводе подобных явлений.

Ключевые слова: представление внеязыковой действительности, косвенный вопрос, пространственные наречия, дифференциальный признак, асимметрия языкового знака

Лингвисты на протяжении многих десятилетий подчеркивают взаимобусловленность и взаимосвязь языка и культуры, языка и мышления [4]; [19]; [20]; [24]. Описание языковых явлений на современном этапе развития языкознания невозможно без изучения культурных особенностей носителей данного языка. Именно по этой причине все больше исследований проводится в русле лингвокультурологии (см., напр., [12], на стыке лингвистики и смежных научных дисциплин, таких как социология (социолингвистика) (см., напр., [15]) и др. Э. А. Зоидзе, исследовав понятие *граница* в филологии, отмечает, что «климатологический аспект самым тесным образом связан с политическими и географическими науками» [6, с. 70].

Многие авторы, описывая единицы лексического или синтаксического уровня того или иного языка в сравнении с аналогами в других языках, отмечают, что изучаемые ими единицы являют собой пример разного представления действительности в разных лингвокультурах. Многие лингвисты рассматривают асимметрию языковых знаков в диахронической перспективе (см., напр., [23]), большинство же работ выполнено в русле синхронизма.

Существуют объекты действительности, допускающие возможность разного осмысления, причем разные языки выбирают разные способы. Так, Е. Г. Беляевская считает, что «различия в соотносительных явлениях разных языков, выявляемые в ходе их сопоставления, могут быть объяснены, если обратиться к когнитивному моделированию языковой способности человека, и прежде всего к тому пониманию семантики языковых сущностей, которое разрабатывается в когнитивной парадигме лингвистического знания» [3, с. 141]. Например, О. Н. Селиверстова отмечала, что положение объекта на ветке дерева может быть представлено, с одной стороны, как нахождение внутри некоторого объема, создаваемого кроной дерева, а с другой стороны, как нахождение на поверхности дерева. По первому пути идет английский язык и потому использует предлог *in* (*in the tree*), по второму – русский (*на дереве*) [14].

Е. Г. Беляевская ставит задачу выявления языков, в которых происходит опора на концепт «контейнер» (например, английский, ср.: *in the sun, in the rain*), и тех, где базовым является представление о «плоскости» (например, русский, ср.: *на солнце, под дождем*) [3]. Кроме того, автор полагает, что концептуальные основания семантики лексемы «являются частью общей концептуальной системы соответствующего языка и, таким образом, они практически всегда будут отличаться от параллельных явлений в других языках» [3, с. 145]. «Поскольку все языки обладают достаточной полнотой выразительных средств и выражают один и тот же внеязыковой мир, различия между языками следует искать в различных способах выражения внешнего мира. Русский язык не представляет мир как-то иначе, чем чешский, но в силу разных причин он пользуется другими формами для его представления» [17, с. 29]. Асимметрия в структурно-семантической организации обусловлена тем фактом, что «одна и та же

семантическая зона в русском и английском языках может быть представлена разным количеством производных, <...> отдельные смысловые зоны как русского, так и английского языка являются специфичными» [1, с. 29].

Особого внимания заслуживают исследования, направленные на изучение специфики представления действительности с опорой на культурологию. Так, А. А. Смирнов описывает фразеологические единицы с национально-культурным компонентом. Говоря о зоонимах в составе фразем, автор постулирует, что наравне с общекультурными единицами подобного типа (*пригреть змею на груди*) довольно большое количество фразеологических единиц имеет национально-специфический смысл (ср.: *премудрый пескарь* в русском или *rain cats and dogs* в английском) [18, с. 82-83].

Еще один пример культурологически обусловленной асимметрии языковых знаков рассмотрен Э. В. Маремуковой. Русская лексема *подкидыш* происходит от описания ситуации, когда родители «подкидывают» ребенка другим людям, английский эквивалент *foundling* восходит к тому факту, что ребенок был «найден» другими людьми. Иными словами, представители русской культуры акцентируют факт отрицательного события (избавления от ребенка), англичане же, наоборот, фокусируются на положительной идее спасения малыша. Автор отмечает, что в кабардино-черкесском языке лингвистическое обозначение подобного культурного концепта отсутствует, и объясняет этот факт тем, что в адыгском обществе оставить ребенка на произвол судьбы неприемлемо [11, с. 152].

Н. В. Белозерцева, говоря об асимметрии формы и содержания синтаксических знаков, упоминает, что концепт СВОЙСТВО (ср.: *he was the last speaker*) представляет картину мира в статичном преломлении. Автор упоминает о возможности трансформации высказывания в глагольное действие (*he spoke last*), в таком случае оно будет репрезентировать концепт АКЦИОНАЛЬНОСТЬ [2, с. 212]. Отметим, что носители английского языка предпочтут для описания подобных ситуаций номинативные конструкции (ср.: *she is an early riser, he is not much of a drinker*), в то время как в русском языке для описания той же ситуации предпочтительнее глагольные формы (ср.: *она рано встает, он не пьет*) (см. подробнее [21]).

Приведем еще пример разного «видения» языками одного и того же феномена. В английском языке косвенный вопрос задается при помощи союзов *if* и *whether*, при этом в ряде контекстов они не являются взаимозаменяемыми, т. е. в их семантике присутствует дифференциальный признак. Таким различительным признаком для английских союзов косвенной речи выступает «важность наличия альтернативы», при этом в значении союза *if* данный признак не маркирован, т. е. говорящему не важно, какой именно элемент заполнит валентность. Синонимичный же ему союз *whether* описывает контексты, в которых различительный признак маркирован, – иными словами, автору высказы-

вания важно узнать, какой из эксплицитно выраженных в предложении или подразумеваемых исходя из ситуации элементов заполнит валентность (подробнее о значении союзов *if* и *whether* см. [9]). В русском же языке подобные ситуации описываются при помощи частицы *ли* или же бессоюзными придаточными предложениями, например:

- *I asked if he had the speed and wit to match his comic friends.* – Я спросил, хватает *ли* у него скорости реакции и смекалки, чтобы соответствовать своим друзьям-юмористам.

- *So I called the friend asked if he had her phone number.* – Поэтому я позвонил другу и спросил, знает *ли* он ее номер.

- *It was from a male prisoner asking whether someone would write to him, to distract him from the relentless bleakness.* – В ней один заключенный спрашивал, не хочет *ли* кто-нибудь переписываться с ним, чтобы отвлечься от мрачной повседневности.

- *“Tomorrow?” I asked, still uncertain whether I wasn't pushing things.* – «До завтра?» – спросил я, гадая, не слишком *ли* форсирую события (здесь и далее примеры из [16]).

Важно отметить, что признак «важности/неважности наличия альтернативы» для носителей русского языка в данном случае, по-видимому, не представляется релевантным. Таким образом, мы видим пример разного описания явления действительности в русском и английском языках на синтаксическом уровне, обусловленного именно вариантом представления действительности. Очевидно, что признак «важности наличия альтернативы» понятен носителям обоих языков, однако представители англосаксонской культуры сочли его значимым для описания косвенных вопросов, в то время как русскоязычные говорящие не выделяют данный признак как необходимый при выражении косвенных вопросов.

Еще одним примером разного «видения» языком явлений действительности могут служить пространственные наречия русского и английского языков. В русском языке синонимичные наречия *позади* и *сзади* имеют в своей семантике ряд интегральных признаков, таких как соизмеримость объекта и релятума, вертикальность релятума и др. (подробнее см. [10]). В значении данных наречий присутствуют и два дифференциальных признака. Так, *позади*, во-первых, допускает **градацию** расстояния между объектом и релятумом (подробнее см. [13]). Во-вторых, *позади* означает, что объект локализован с задней стороны **дополнительно ориентированного** релятума. Отметим, что данный признак часто находит выражение во временных контекстах, а также описывающих ситуации движения (о связи понятий *пространства*, *времени* и *движения*, а также их отражении в естественном языке см. подробнее [7]; [8]). В английском же языке в подобных контекстах используется наречие или предлог *behind*, при этом они описывают ситуации, для которых в русском языке применяются две лексические единицы, например:

- ...*Slipping into my little world was his way of reliving his years as a lycéen, only to thank his lucky stars for keeping them forever locked **behind** him.* – ...*Попадая вместе со мной в мой маленький мир, отец по-своему заново переживал лицейские годы, благодаря свою счастливую звезду за то, что они навсегда остались **позади**.*

- *Scientists talk about "projecting yourself into the rover, "and find themselves turning their heads to look **behind** the rovers.* – *Ученые рассказывали, как «проецировали себя в ровер» и обнаруживали, что, например, вертели головами, чтобы увидеть, что у ровера **позади**.*

- *The crossbow bolt narrowly missed me, but, fortunately, it didn't miss the man who had worked his way **behind** me.* – *Стрела пролетела очень близко, но, к моему счастью, попала в воина, который подбирался ко мне **сзади**.*

- *We pass a group of guys who must be in college at least, and one of them mutters, 'Hot.' Tara and Courtney are flanking me and Bethany trails **behind**.* – *Мы проходим мимо стайки парней, которые учатся по меньшей мере в колледже, и один из них бормочет: «Красотка». – Тара и Кортни находятся по бокам от меня, Бетани тащится **сзади**.*

Иными словами, носители русского и английского языков одни и те же явления внеязыковой действительности «видят» по-разному, что находит отражение в языках.

Подобное разное «видение» ситуаций носителями разных лингвокультур становится особенно заметно при переводе. Переводчикам, столкнувшимся с языковой единицей, не имеющей полного аналога в языке перевода, приходится искать другие пути выражения мысли, заложенной в первоначальном высказывании [25].

Кроме того, несхожесть в выражении одних и тех же явлений внеязыковой действительности носителями разных языков становится заметна при изучении иностранного языка. Данный факт, безусловно, находит широкое отражение в научной литературе. Например, Е. А. Храмова предлагает использовать асимметрию языкового знака при создании мини-текстов для обучения английскому языку [22]. Помимо целенаправленного использования данного явления в методике преподавания, при обучении иностранному языку важно, чтобы преподаватель осознавал наличие разного представления действительности в разных лингвокультурах. В качестве рекомендации преподавателю можно посоветовать не исправлять ошибки обучающихся, переводя на иностранный язык высказывание на родном языке, а мотивировать к выражению желаемого смысла средствами другого языка, в том числе с полной перестройкой структуры предложения (о схожих рекомендациях см. [5, с. 30]).

Литература

1. Ачаева М. С. Симметрия и асимметрия лексико-словообразовательных гнезд с вершинами *полный/пустой* в русском и английском языках // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 24-31. DOI 10.17238/issn2227-6564.2018.6.24.
2. Белозерцева Н. В. Асимметрия формы и содержания сентенциональных знаков: когнитивный подход // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3(28). С. 210-213.
3. Беляевская Е. Г. Концептуальные основания семантики языковых единиц как основа сопоставительного лингвистического анализа // Контрастивные исследования: материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. Вып. 3. М.: ИЯ РАН, 2009. С. 140-145.
4. Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, Н. В. Барышников и др. М.: ООО «Издательский дом ВКН», 2021. 328 с. DOI 10.54449/9785907086890.
5. Гурова П. В., Хочолава И. В. Приемы повышения эффективности обучения грамматике английского языка (начальный уровень) // Филологическое обеспечение профессиональной деятельности учителя английского языка и русского языка как иностранного: сб. науч. ст. М.: Языки народов мира, 2022. С. 24-34.
6. Зоидзе Э. А. О сущности понятия граница в филологических дисциплинах: границы языка и границы в языке // Лингвистическая лимнология: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. (Москва, 27 окт. 2018 г.) / отв. ред. А. А. Боронин. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2019. С. 66-71.
7. Лягушкина Н. В. К вопросу о формировании базовых концептов: время и движение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1(12). С. 104-108
8. Лягушкина Н. В. К вопросу о формировании базовых концептов: пространство // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 2(10). С. 55-61.
9. Лягушкина Н. В. Концептуализация союзов *if* и *whether* // Вестник Московского городского педагогического университета: науч. период. журнал. М.: МГПУ, 2007. С. 106-111.
10. Лягушкина Н. В. Семантика пространственных предлогов и наречий позади и сзади // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 297-312.
11. Маремукова Э. В. Языковая проекция стереотипов в разных лингвокультурах // Филологические науки в МГИМО. 2020. Т. 6. № 4(24). С. 146-155. DOI 10.24833/2410-2423-2020-4-24-146-155.
12. Матвеева Е. Е. Лингвокультурологические особенности формирования лингвистической терминологии (на материале английских и русских терминов фонетики): дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 336 с.
13. Матюшина Н. В. К перспективе семантических исследований: отражение дифференциальных признаков в переводных словарях // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 213-226.

14. Матюшина Н. В. Технология семантического исследования (на материале работы О. Н. Селиверстовой «Семантический анализ слов типа *все, all* и типа *кто-нибудь, some* в русском и английском языках», 1965) // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О. А. Сулеймановой. М.: ФЛИНТА, 2016. С. 167-184.
15. Молчанова М. А. Терминологическое пространство области «языковая политика» // Прикладная лингвистика. Терминоведение: сб. науч. ст. М.: МГПУ, 2013. С. 36-44.
16. Параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html> (дата обращения: 07.07.2022).
17. Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика // Контрастивная лингвистика и обучение иностранным языкам // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. М.: Прогресс, 1989. С. 27-31.
18. Смирнов А. А. Особенности фразеологических единиц с национально-культурным компонентом (на примере компонента-зоонима) // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2020. № 3(39). С. 81-83.
19. Стеколыщикова И. В. Натуралистическая концепция языка в языкознании XIX века: общее и специфическое: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020. 607 с.
20. Стеколыщикова И. В. Натуралистические идеи в лингвистической теории Ф. Ф. Фортунатова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 144-152. DOI 10.18384/2310-712X-2019-4-144-152.
21. Стилистические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учрежд. высш. проф. образ. / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова и др. М.: Изд. центр «Академия», 2010. 176 с.
22. Храмова Е. А. Реализация асимметрии языкового знака при создании игровых мини-текстов: фонетический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2(16). С. 90-95.
23. Чупрына О. Г. Асимметрия знака как фактор языкового изменения // Иностранные языки в высшей школе. 2019. № 3(50). С. 45-53.
24. Чупрына О. Г. Идентичность в пространстве языка и культура // Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: колл. моногр. М.: НЕОЛИТ, 2017. С. 301-326.
25. Lyagushkina N. V. On Ways how to Translate Mass Media Metaphors and Language-game // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014. Vol. 7. No 2. P. 265-272.